

Как приятно опуститься в горячую ванну после такого напряженного дня. Тело расслабляется, а голова приятно мутнеет.

Когда в дверь постучали, я поняла, что заснула. Я надела пижаму и вышла, а Пу Чжэн ждал меня возле двери:

— Я уж думал, ты покончила с собой, — шутливо сказал он.

— Разве это долго, — улыбаясь, ответила я, и сразу добавила, — спать хочу, очень устала.

— Конечно, устала, убегая из того мерзкого места.

Я не поняла, что имел в виду Пу Чжэн под мерзким местом, мой родной дом или ту конечную остановку, где не ступала нога человека. Пока я так думала, Пу Чжэн говорил:

— Я постелил тебе новое постельное белье в комнате для гостей. Эх, есть ли какое-нибудь лекарство от моей мизофобии?

Будучи без сил, я все же ответила:

— Просто думай, что я люблю чистоту, — сделав пару шагов, я обернулась и спросила: — Тебе есть еще, что мне сказать?

— Когда будешь съезжать, не забудь заплатить за проживание, за еду... — приняв важный вид, сказал Пу Чжэн.

Я ничего не ответила, просто развернулась и ушла.

На следующее утро шум за дверью заставил меня проснуться. Шум был негромкий, слегка прерывистый, но для меня в тот момент даже легкое перелистывание страниц могло серьезно повлиять на мой сон.

Я замерла на одном месте, когда открыла дверь и увидела в гостиной человека.

Лицо выдающейся личности, высокое и худое телосложение, одет как с иголки, в простой бежевой одежде, ну точно типичный сын маминой подруги.

Тот человек тоже меня заметил.

Рука Е Линя слегка дрогнула, и все его материалы разлетелись.

С Е Линем я познакомилась в начале средней школы, потом мы стали друзьями, а после были лучшими друзьями, и, в конце концов, мы были влюбленными. Все это длилось шесть лет.

Прежде он с легкостью мог повлиять на мое настроение, но сейчас, я надеюсь, у него больше нет той способности.

Придя в себя, Е Линь спросил:

— Когда ты вернулась? — с улыбкой, привычной циничной улыбкой он начал собирать разбросанные по полу бумаги.

— Вчера.

— Я и правда ненастоящий друг, раз приехала и слова мне не сказала

— Ты изначально не был другом.

— Серьезно? — его ленивая интонация смешалась с сарказмом.

— Как насчет того, чтобы поспать еще немного? — обращаясь ко мне, подошел Пу Чжэн.

Я вздохнула.

Из-за этого небольшого комментария Е Линь посмотрел в глаза Пу Чжэна, а потом, обращаясь ко мне, выпалил:

— Не думал, что у вас с Пу Чжэном до такой степени хорошие отношения, кажется, я малообразован и ограничен.

— Тебя это не касается, — равнодушно сказала я, правду о моих отношениях с Пу Чжэном знают немногие, мы не намеренно скрывали это, просто не собирались никому нечего объяснять.

Пу Чжэн взъерошил волосы:

— Е Линь....

— Пу Чжэн, я голодна, есть что перекусить?

Пу Чжэн посмотрел мне в глаза:

— Есть немного, подожди чуть-чуть, — не пытаясь больше что-либо объяснить, развернулся и пошел на кухню. Он, безусловно, понял, что я имею виду.

— Как ты здесь оказалась? — глядя в спину Пу Чжэна, спросил Е Линь.

— Негде жить, — ответила я, налив в стакан воды, перед тем как сесть за стол.

— Только не говори мне, что в большом доме Цзянь нет свободных комнат, в которых можно жить.

Мои руки задрожали, и я чуть не выронила стакан из рук.

— Не наливай столько воды, раз не можешь столько выпить, — он нахмурился, а затем, улыбаясь, продолжил: — Что, после шести лет во Франции не верится, что вернулась?

Я просто продолжала пить воду и ничего ему не отвечала.

— Я все полагал, что ты там и останешься. Как это, старшая дочь семьи Цзянь уехала за границу совершенствоваться, а закончив, вернулась служить отечеству? — его голос становился все более недовольным, когда он заметил, что я не обращаю на него внимания.

— Я еще не выпустилась, — если бы я ему не ответила, он продолжил бы плести всякую ересь, поэтому я взвалила на себя самую несущественную тему для разговора.

— Тебе нужно будет вернуться?

— Да.

Он вдруг кинул те документы, что уронил изначально, на чайный столик:

— Передай Пу Чжэну, что у меня дела, я пошел.

— Хорошо, — меня не волновало его непостоянство, и уж тем более я не планировала его провожать.

— Хорошо? — некоторое время он стоял молча, а потом развернулся и пошел к двери. — А-а-а, да, верно, будет время — заходи на обед, Яли соскучилась по тебе, — он открыл дверь и ушел.

Стеклянный стакан, в конечном счете, все же выскользнул из рук, разлетевшись на маленькие осколки.

— Мы с ним время от времени видимся. Сейчас он хочет купить квартиру, ему приглянулись квартиры в нашей жилищной компании в соседней новостройке, поэтому в последнее время он часто заглядывает, — Пу Чжэн стоял у дверей кухни и глядел на пол. Он подошел, поставил завтрак на стол, а затем взял веник и аккуратно собрал все осколки. — Я изначально думал, что ты будешь спать до полудня, теперь я чувствую вину, прости, сестренка.

Я ненадолго замерла. Немного погодя я ответила:

— Я пойду умоюсь, а потом вернусь, и мы позавтракаем.

— На самом деле Е Линь совсем не такой циничный, как кажется, — Пу Чжэн говорил правдиво. — Он хороший человек.

Я улынулась, но ничего не ответила. Какой он, сейчас не имеет никакого отношения ко мне, шесть лет могут все обесценить, включая те чувства, которые, как я полагала, будут долгими, как небо и постоянными, как земля.

В сентябре того года мама отводила меня на регистрацию в среднюю школу, лето было далеко не таким жарким, как сейчас, и ветер, скользящий по деревьям, был немного прохладным. В то время мама в моей памяти была особенно ласковой и нежной.

Приветствуя старших, входящих внутрь, я стояла возле учебной части и, высматривая маму в окне, стояла и ждала ее.

Успеваемость у меня была так себе, потому что из-за плохого здоровья моя посещаемость была низкой, особенно в сравнение с другими, изредка я отсутствовала даже на экзаменах. Причина, по которой я могла вступить в одну из лучших элитных средних школ — исключительно могущество денег, как власть. Покупая таким способом место в лучшей школе, я сначала испытывала стыд, однако родителей это нисколько не волновало, и постепенно я становилась бесчувственной.

— С самого начала ученица хвастается деньгами и покупает место, — лишь одна ироничная фраза долетала до моих ушей.

А я, в свою очередь, смотрела на довольно привлекательного мальчика с мягкими волосами, белой кожей, красивым лицом и яркими черными глазами.

— Я с тобой говорю, слышишь? Отвечай!

— Ты оглохла? — я продолжала игнорировать неоднократно брошенные в мой адрес слова.

На самом деле я просто думала, что же ему такое ответить, но у него оказалось мало терпения.

— Чего улыбаешься?

— Ты слишком шумный, — сказала я. Хотя его голос и был красивым, но, когда он говорил со мной таким тоном, он, наоборот, казался странным и причудливым.

— Что сказала?

В тот момент вышла моя мама, махая мне рукой:

— Идем.

И крикнув ему «пока», я убежала к маме.

Это был первый раз, когда я встретила Е Линя, вспыльчивого и бесцеремонного.

И в течение следующих шести лет мальчик, которого звали Е Линь, местный хулиган, вторгся в мою жизнь и занимал большую часть моего времени, а также моих мыслей.

Стоя перед зеркалом в туалете, я смотрела на свое почти бледное лицо. Если бы можно было повернуть время вспять, хотела бы я снова провести так же те шесть лет? Ответ был бы отрицательным.

Сладкое одиночество может разесть все внутренности сильнее, чем серная кислота, поэтому, если бы я знала раньше, с самого начала не позволила бы себе вступить в эту игру, если бы не боялась мучительных воспоминаний.

К счастью, сейчас об этом думать не приходится

— Аньцзе, твой телефон постоянно трезвонит, передать его тебе? — донесся из-за двери голос Пу Чжэна.

— Нет, я сейчас выйду.

Я открыла дверь, Пяо Чжэн протягивал мне телефон. Семь пропущенных звонков, один и тот же номер, неизвестный. Я уже собиралась перезвонить, как телефон снова зазвонил. Тот же номер. Я ответила на звонок.

— Цзянь Аньцзе.

В самом деле, он, Е Линь.

— Почему не брала трубку? — несмотря на то, что вопрос не имел смысла, его тон на том конце провода не казался слишком счастливым.

— У тебя ко мне дело? — не хочу попросту тратить время, поскольку я уже давно приняла решение в своем сердце не заботиться о нем больше. Для нас обоих жить в мире и согласии с собой лучше всего, поэтому любое вмешательство сейчас и в будущем будет излишне.

— Если нет, нельзя даже позвонить тебе?

Все такой же позер...

— Неудобно говорить? Пу Чжэн рядом? — его интонация стала немного мягче с слегка хрипылыми интонациями.

Нет необходимости задавать подобного рода неуместные вопросы:

— Если тебе нечего сказать, я кладу трубку.

— Что ты говоришь! Не смей вешать трубку! Цзянь Аньцзе, если ты сейчас сбросишь, я сразу же появлюсь перед тобой и разобью телефон! — он больше не смеялся, и его чрезмерный гнев меня немного удивил, и хоть я с самого начала знала, что его тон был подавленным недовольством, я не думала, что будет такая истерика.

— Тогда что тебе нужно? — я больше не пыталась относиться к этому звонку легкомысленно.

На том конце провода, казалось, он тоже понял, что это была неуместная вспышка эмоции, и быстро успокоился:

— Мне очень жаль, — его голос стал прежним, — я все еще внизу, возле дома Пу Чжэна, не могла бы ты спуститься на минутку? Я хотел бы поговорить с тобой наедине.

— Нет, — я больше не хочу разговаривать, и я также не сильна в поиске предлогов и отговорок, поэтому я просто сухо отказалась.

— Хорошо, очень хорошо, Цзянь Аньцзе. Ты, как всегда, заставляешь меня чувствовать себя придурком, — не дождавшись моего ответа, он повесил трубку.

Рука, держащая телефон, немного побаливала, и я вспомнила слова, которые он сказал в тот день, когда мы расстались, холоднее, чем лед и снег. В мой первый год во Франции, когда я вспоминала его, мне казалось, что мне вонзали в сердце острый нож.

Он сказал: «Франция, Америка, мне все равно куда. Чем дальше, тем лучше, с глаз долой — из сердца вон, это самое лучшее».

Я надеюсь, он сможет повторить это вновь и сдержать свое слово.

<http://tl.rulate.ru/book/30369/1655212>